

¹⁶ Уваров А.А. Местное самоуправление в России. М., 2005. С. 83, 84.

¹⁷ Овчинников И.И. Местное самоуправление в системе народовластия. М., 1999. С. 109–112.

СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ДОКТРИНЫ И ПРАКТИКИ ВНЕДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Т.Ю. Сокрутова
(Россия, г. Астрахань)

Действие деликтного права распространяется на случаи, когда ущерб интересам индивидов заключается в нанесении вреда многочисленным интересам лица, не вытекающим из договора, в частности при причинении вреда здоровью или репутации индивида, его недвижимости или движимому имуществу или когда ему причиняются некоторые другие виды экономического ущерба. Функция деликтного права заключается в том, чтобы из невообразимого числа случаев причинения ущерба выбрать такие, в которых потерпевший был бы правомочен переложить бремя причиненного ему ущерба на плечи другого лица.

История показывает, что на ранних стадиях своего развития деликтное право представляло собой конгломерат собранных вместе отдельных и разрозненных судебных решений, которые защищали совершенно определенные материальные интересы от столь же определенных проявлений их нарушения путем физического насилия. Так, уже в римском праве существовали наиболее важные виды деликтов, такие как посягательство на личность, воровство и др. Однако римское право так и не выработало единого общего принципа, согласно которому лицо, виновное в причинении вреда, должно его возместить. Своим появлением такой принцип обязан Гроцию и Дома, которые разработали его в XVII–XVIII вв. И с тех пор он нашел свое место в кодексах многих европейских стран.

Закон места совершения внедоговорного обязательства до сих пор является ведущим коллизионным началом в праве большинства современных государств (ФРГ, Польша, Италия и др.). Во французском праве применяется расширительное толкование гражданско-правовой ответственности (обязательность законов «благоустройства и безопасности» для всех лиц, пребывающих на территории Франции). общепринятые начала теории обязательственного права – деликтные обязательства – возникают независимо от вины деликвента (умышленной или неосторожной) и в основном подчиняются закону места совершения правонарушения (Швеция, Австрия, Китай).

Безусловно в современной практике определенные аспекты отношений по причинению вреда все в большей мере подвергаются регулированию с помощью положений заключаемых государствами двусторонних и многосторонних договоров. Такая практика получила в настоящее время особый размах во взаимоотношениях стран СНГ.

В законодательстве и практике большинства государств применяется сочетание нескольких коллизионных начал: личный закон сторон (при его совпадении); закон места совершения вредоносного действия или наступления вредоносного результата; закон суда (по договоренности сторон), т.е. возможность применения ограничения автономии воли (Швейцария, Польша). Предусмотрено и применение права, с которым обе стороны наиболее тесно связаны (Австрия). Общее правило всех правовых систем: нельзя привлечь к ответственности за действие или бездействие, не являющееся противозаконным по местному закону (Великобритания, Франция, ФРГ)¹.

В Великобритании действует довольно разветвленная и сложная система квалификации противоправных деяний, которая оперирует различными категориями (torts, negligence, gross negligence, delicts – правонарушения, неосторожности, небрежности, деликты), и, соответственно, дифференциации исков, основанной на

правовой природе конкретного действия². В праве США господствует теория «приобретенных прав»: обязательство, возникшее в месте совершения деликта, следует за делинквентом и может быть принудительно исполнено в любом месте. Практика американских судов идет по пути максимального применения формулы «наиболее значительная связь» с правонарушением. В настоящее время наблюдается сближение практики английских и американских судов. Американская судебная практика испытывает большое влияние английского прецедентного права.

В вопросе о гражданских правонарушениях (torts) английское право до сих пор представляет собой собрание типовых исков, из которых каждый предназначен для определенного вида деликта³. Общий принцип ответственности за любой вред, причиненный другому лицу, неизвестен английскому праву. Для удовлетворения иска истец должен «убедить суд, что его жалоба соответствует какому-либо типу гражданского правонарушения, который признается английским правом»; иск должен подходить под категорию «нарушение владения» (trespass), «небрежность» (negligence), «нарушение пользования» (disturbance). Так можно продолжить по всем странам мира. Внедоговорное обязательство должно соответствовать какому-либо типу деликтов, признаваемых английским правом, которое в этом отношении в большей степени сохранило старые формы «общего права», чем, например, право США. Подобная особенность английского права предопределила применение своеобразных коллизионных принципов в отношении деликтных обязательств⁴.

Поскольку в английском праве до сих пор распространена архаическая типизация исков из правонарушений, то в судах господствует «перевернутое» соотношение между законом суда и законом места совершения деликта. Английские суды рассматривают деликты, совершенные за границей, на основе английского права, а не на основе права того государства, на чьей территории совершено правонарушение. Никакой иск из деликта не может быть предъявлен в Великобритании, если деяние, являющееся противоправным по закону места его совершения, не создает права на иск при его совершении на территории Англии⁵.

В настоящее время английские суды все же в определенной степени учитывают закон места совершения правонарушения: ответчик по иску из деликта может защищаться при помощи ссылки на то, что его деяние является законным или «простительным» с точки зрения права того государства, на чьей территории оно совершено. Такое возражение должно быть принято во внимание судом. В английском праве появилась и новая интерпретация прецедентов: за основу принимается закон места совершения деликта, однако возмещение не должно превышать положенного по английскому праву.

Классической школой в доктрине выступает Германия. В соответствии с устоявшейся практикой Верховного федерального суда производитель или продавец некачественной вещи должен возмещать, согласно § 823, абз. 1 германского Гражданского уложения (далее по тексту ГГУ)⁶, ущерб даже тогда, если уже после ее передачи приобретателю она сама из-за своих недостатков станет причиной собственного полного уничтожения или порчи. Доктриной эта практика полностью отвергается. В других странах этот вопрос также вызывает споры. Однако там он решается иначе, чем Верховным федеральным судом Германии.

Согласно § 823, абз 1 ГГУ, закон защищает интересы, пользующиеся статусом «прочего права». К ним относятся, в первую очередь, все интересы, которые правопорядок защищает против всех, особенно вещные права, такие как сервитуты и ипотека, владение и «право на ожидание» того, кто уже приобрел что-то в соответствии с оговоркой о сохранении права собственности, а также право на имя, патентные права и другие права, вытекающие из результатов коммерческой деятельности, которые регулируются специальными законами. Однако имущество как таковое не является «прочим правом» в смысле § 823, абз 1. Возмещения вреда, причиненного имуществу, возможно, правда, потребовать на основе § 823, абз. 1, если следствием этого вреда станет дальнейшее нарушение перечисленных в этой норме защищаемых законом благ. Например, если лицо получило телесные повреждения в результате дорожно-транспортного происшествия и при этом одновременно пострадал его автомобиль,

оно может потребовать возмещения совокупного имущественного вреда, который имел место как следствие телесных повреждений (в форме расходов на лечение) или как следствие повреждения имущества (в форме расходов на аренду другого автомобиля). Если же в результате виновных действий другого лица потерпевшему будут нанесены чисто экономические убытки, которые не повлекут за собой вреда его личности, собственности или же одному из принадлежащих ему «прочих прав», он не сможет предъявить иск на основании § 823, абз 1 ГГУ.

Например, экскаватор строительной фирмы повредил кабель высокого напряжения, проложенный в месте проведения ею земляных работ, и, как следствие, находящиеся в другом месте предприятия лишаются электричества. В подобном случае встает вопрос: должна ли эта фирма возмещать ущерб в соответствии с § 823, абз. 1 ГГУ? Для ответа на этот вопрос решающее значение будет иметь природа вреда, причиненного прекращением электроснабжения. Если из-за этого не работало оборудование, что привело лишь к уменьшению производимой продукции, предприятие не может требовать возмещения убытков у строительной фирмы, поскольку ее виновные действия причинили чисто экономические убытки. И наоборот, если отключение электричества явилось причиной нарушения процесса выведения бройлерных цыплят в инкубаторе птицефабрики в результате снижения температуры, то налицо «причинение вреда собственности». И строительная фирма обязана будет возместить не только стоимость невылупившихся цыплят, но и все прочие экономические убытки, которые птицефабрика потерпела из-за порчи яиц.

Аналогична и практика Верховного суда Австрии. Верховный федеральный суд Швейцарии, наоборот, присуждает возмещение «чисто» экономических убытков в случае остановки производства. Свой подход он оправдывает тем обстоятельством, что виновное прерывание электроснабжения, относящегося к сфере общественных услуг, карается согласно ст. 239 швейцарского УК. В случае виновного и противоправного посягательства на защищаемые законом ценности, перечисленные в § 823, абз 1 ГГУ, потерпевшему компенсируется весь причиненный ему вследствие этого ущерб.

Единственным ограничением размера подлежащего возмещению ущерба призвано служить наличие юридически значимой причинно-следственной связи между действиями ответчика, которые порождают его ответственность, и причиненным вредом. Согласно практике Верховного имперского суда, такая причинно-следственная связь существует, если цель, достигнутая ответчиком, явилась результатом его поведения, «отвечающего реальному положению вещей, а не только особым и необычным обстоятельствам, которые разумный человек в повседневной жизни не принимает во внимание» (доктрина адекватных причинно-следственных связей). Аналогичной точки зрения придерживаются австрийские и швейцарские суды.

Этим положением руководствовались, например, для принятия решения о том, что обязанность возмещать вред за нанесение телесных повреждений распространяется и на чреватые причинением вреда последствия, которые проявляются лишь гораздо позднее в результате неправильного лечения. Причем имеются в виду последствия, наступившие из-за ошибки опытного врача, а не в связи с грубым нарушением элементарных и основополагающих принципов медицинского искусства. Лицо, причинившее вред, отвечает и в том случае, если пострадавший от него становится жертвой эпидемии гриппа, разразившейся в госпитале, в который его поместили для лечения. И наоборот, лицо, по вине которого другое лицо лишилось ноги, не несет перед ним ответственности за последствия своих действий, если через 8 лет после случившегося пострадавший не смог из-за увечья добраться до блиндажа, чтобы укрыться от неожиданно начавшегося арналета. Но если лицо, ставшее инвалидом по вине ответчика, 22 года спустя упадет в своей комнате из-за неустойчивости своего протеза и получит новые повреждения, то последний должен будет возместить ему ущерб. Болезнь, ставшая результатом несчастного случая и проявившаяся исключительно из-за особой предрасположенности к ней потерпевшего, всегда считается «вызванной адекватной причиной».

Немецкая судебная практика последних лет все более склоняется к признанию того, что для ответа на вопрос о юридически значимых причинно-следственных связях необязательно опираться только на абстрактно-логические критерии. Очень важную роль здесь приобретают оценочные суждения. Это связано с восприятием большей частью доктрины и судебной практикой телеологической теории Рабеля, согласно которой следует учитывать защитную функцию нормы, предписывающей возмещение вреда: если он причиняется путем нарушения определенного законодательного запрета, то ответчик несет ответственность за последствия этого нарушения, явившегося причиной вреда в той мере, в какой, судя по смыслу и цели данного запрета, предполагалось воспрепятствовать наступлению этих последствий, чреватых причинением вреда.

Согласно § 823, абз. 2 ГГУ, ответственность возникает при виновном нарушении закона, «целью которого является защита другого лица». К такому положению, закрепленному в законе, можно отнести все нормы частного, публичного и, в первую очередь, уголовного права, которые в соответствии со своим содержанием и целью призваны обеспечить защиту отдельного лица или определенного круга лиц, а не защиту населения в целом. Вопрос о том, каким ценностям, защищаемым законом – здоровью, собственности или просто общим экономическим (имущественным) интересам потерпевшего, – причинен вред, также имеет в данном случае определенное значение, так как вред возмещается лишь в том случае, если причиной его возникновения служит осуществление именно той угрозы, на уменьшение или предотвращение которой направлен соответствующий защитительный закон. Если же цель защитительного закона заключается лишь в предотвращении возникновения вреда личности или имуществу, то иск о компенсации «чисто» экономических убытков, основанный на § 823, абз. 2 ГГУ, будет отклонен.

Если, например, федеральные железные дороги в соответствии со строгой ответственностью (см. § 19, 11), возложенной на них Законом об ответственности, обязаны возместить потерпевшему ущерб, они не могут компенсировать его путем взыскания с виновника несчастного случая своих расходов на том основании, что он нарушил § 315 УК (несоблюдение правил безопасности железнодорожного движения) и потому несет ответственность перед ними возмещением ущерба по § 823, абз. 2, ГГУ.

§ 315 УК Германии, несомненно, является защитительной законодательной нормой. Однако его цель – защищать граждан от причинения им личного и имущественного вреда, а не общие экономические интересы железной дороги как организации. Однако если руководитель общества с ограниченной ответственностью в нарушение § 64 соответствующего Закона по собственной вине не начнет процедуру банкротства из-за неплатежеспособности возглавляемого им общества, то кредиторы общества могут, согласно § 823, абз. 2 ГГУ и в связи с § 64 Закона об обществах с ограниченной ответственностью Германии, потребовать, чтобы он лично возместил возникший по этой причине экономический ущерб: цель § 64 Закона – защищать интересы кредиторов от подобного ущерба, возникающего вследствие оттягивания начала процедуры ликвидации обанкротившихся компаний.

Третьим элементом конструкции, регулирующей общую деликтную ответственность, является § 826 ГГУ. Согласно этому параграфу, «лицо, умышленно причинившее вред другому лицу способом, противным добрым нравам, обязано возместить последнему этот вред»⁷.

Проблемы в определении места совершения деликта отличаются существенной сложностью: что именно следует считать местом совершения деликта – место непосредственного совершения противоправного действия (бездействия) либо место наступления вредоносного результата. Тенденция большинства современных правовых систем – кумулятивное применение законов места совершения деликта и места наступления результата (возможно применение права любого государства, в котором имел место какой-либо из элементов фактического состава правонарушения).

Не будет преувеличением заметить, что в последние десятилетия произошла основательная переоценка классического начала: отношение к нему в доктрине и прак-

тике колеблется от безусловного признания до существенного ограничения или даже вытеснения новыми, «гибкими» коллизионными формулами.

Проявлением современных подходов стало комбинированное применение закона места совершения правонарушения и иных коллизионных правил, отсылающих к законам гражданства, domicilio сторон, места регистрации транспортного средства и др., построение системы коллизионных норм, рассчитанных на отдельные виды правонарушений, и, конечно же, привязка деликтного отношения к праву страны, с которой это отношение имеет наиболее тесную связь. Эти тенденции прослеживаются в развитии зарубежного законодательства, в международной договорной практике.

Распространение получили предназначенные для коллизионного регулирования ответственности за вред, причиняемый дорожно-транспортными происшествиями, недобросовестной конкуренцией, недостатками товара, посягательствами на честь и достоинство исключения из правила, отсылающего к закону места совершения правонарушения.

Правило п. 1 ст. 1219 следует сложившейся в отечественном законодательстве традиции (ч. 1 ст. 126.4 Основ 1961 г. в редакции 1977 г., ч. 1 ст. 167 Основ 1991 г.): в качестве ведущего принципа в сфере обязательств, возникающих вследствие причинения вреда, закреплено классическое коллизионное начало – «закон места совершения деликта» (*lex loci delicti commissi*). Правило подчиняет обязательства, возникающие вследствие причинения вреда, праву страны, где имело место действие или иное обстоятельство, послужившее основанием для требования о возмещении вреда. Сформулированная в виде двусторонней эта коллизионная норма обязывает применять закон места совершения деликта независимо от того, где совершен деликт, – в России или в иностранном государстве.

Из первенствующего значения «закона места совершения деликта» исходит, предусматривая более или менее существенные изъятия из него, законодательство многих зарубежных стран (Австрия, Великобритания, Венгрия, Венесуэла, Германия, Греция, Испания, Италия, канадская провинция Квебек, Китай, Монголия, Польша, Португалия, Тунис, Турция и др.), ряд международных договоров, включая Кодекс Бустаманте, Гагскую конвенцию о праве, применимом к дорожно-транспортным происшествиям, Минскую конвенцию 1993 г., Киевское соглашение 1992 г. Модель ГК для стран СНГ и гражданские кодексы⁸ ряда этих стран восприняли, с некоторыми изменениями, правила ст. 167 Основ 1991 г.

Но некоторые зарубежные юристы считают, что деликтное право и соответствующие доктрины быстро устаревают и теряют свое значение. «В век техники эти доктрины похожи на правила управления телегой»⁹. Такой взгляд авторы объясняют тем, что в современном обществе существенная часть перераспределения убытков перешла к системе страхования. Однако это не дает оснований для объявления «похорон деликтного права». Тенденция усиления роли страхования в перераспределении возникающих в обществе убытков, бесспорно, существует. Однако институт страхования давно используется наряду с деликтным правом, и вполне можно считать, что их сосуществование будет продолжаться еще многие столетия¹⁰. Установление содержания иностранного деликтного права производится российским судом, исходя из правил официального толкования иностранного права (по правилам ст. 1191 ГК РФ).

Статья 1219 ГК РФ не уточняет, по чьей инициативе может быть применено право страны, в которой наступил вред. Заслуживает внимания отношение к этому вопросу законодательства некоторых зарубежных стран. Не исключая в принципе инициативы суда в выборе более благоприятного для потерпевшего права или предполагая ее, законодательные акты ряда стран санкционируют соответствующую инициативу потерпевшего. Проблема решается «в интересах потерпевшего» (Указ Венгрии 1979 г.), «по просьбе потерпевшего» (Закон Эстонии 1994 г.), «по требованию потерпевшего» (Кодекс Туниса 1998 г.). На основании Вводного закона 1896/1986 г. к ГГУ притязания из недозволенного действия подчиняются праву того государства, в котором действовало обязанное предоставить возмещение лицо. Но потерпевший может потребовать, чтобы вместо этого права применялось право государства, в ко-

тором наступил результат. Право выбора может быть реализовано лишь в первой инстанции до конца первого заседания или до конца предварительного письменного производства¹¹.

В интересах потерпевшего решается в ряде стран коллизийная проблема возмещения вреда и в тех случаях, когда под местом причинения вреда изначально понимается место, где наступил вред, а не место совершения действия, причинившего вред. Так, в соответствии с Законом Италии 1995 г. ответственность из причинения вреда регулируется правом страны, на территории которой наступил вред. Однако потерпевший может потребовать применения права страны, на территории которой имело место действие, повлекшее вред.

Закон Грузии 1998 г. в ряду коллизийных норм, которым подчиняется обязанность возместить причиненный вред, первой приводит привязку к праву страны, более благоприятному для потерпевшего, и лишь затем отсылает к праву страны, где имело место действие или иное обстоятельство, служащие основанием для требования о возмещении вреда.

Отсутствие в п. 1 ст. 1219 прямого указания на невозможность выбора потерпевшим благоприятного для него права (права «места совершения вредоносного действия» или «места наступления вреда») не дает оснований для вывода о том, что суд может решить соответствующую коллизийную проблему, не учитывая интересов потерпевшего. Такой вывод не отвечал бы «духу и букве» как п. 1 ст. 1219, так и ст. 1219 в целом, существенно расширившим возможности для защиты интересов «слабой стороны» деликтного обязательства

Традиционно в законодательстве разных стран закреплялась основная, порой единственная, коллизийная привязка – право государства места причинения вреда. С развитием и совершенствованием правового регулирования деликтных отношений такое единообразие в подходе государств было дополнено применением других коллизийных принципов: законом места жительства (или гражданства) потерпевшего; законом места наступления неблагоприятных последствий, причиненных в результате деликта; законом государства, с которым связаны обе стороны деликтных отношений; законом суда.

Правовые системы некоторых государств включили в область деликтных обязательств также принцип «автономии воли» сторон, в результате чего стороны деликтного отношения получили возможность выбора той правовой системы, которая учитывает интересы обеих сторон.

В разделе о внедоговорных обязательствах ГК РФ закреплены нормы о применимом праве не только к деликтным обязательствам, но и к ответственности за ущерб, причиненный вследствие недостатков товара, работы или услуги. Устанавливается право потерпевшего на выбор наиболее благоприятного для него закона: страны места жительства самого потребителя; страны места жительства или места нахождения лица, оказывающего услугу, или производителя; места, где потребитель приобрел товар или получил услугу, т.е. «цепочка» коллизийных норм (ст. 1221 ГК РФ). Если потерпевший не воспользовался предоставленной ему возможностью выбора применимого права, то коллизийное регулирование осуществляется по общим правилам деликтных обязательств (п. 3 ст. 1221 – отсылка к ст. 1219 ГК РФ).

В соответствии с этой теорией российское право устанавливает, что к обязательствам, возникшим вследствие неосновательного обогащения (ст. 1223 ГК РФ), применяется право страны, где обогащение имело место. Возможна и автономия воли сторон, ограниченная правом выбора закона страны суда. Кроме того, применяется право существа отношения (п. 2 ст. 1223 ГК РФ). К сожалению, российский законодатель не дает определения понятию «право существа отношения». К обязательствам, возникшим вследствие недобросовестной конкуренции, применяется право страны, рынок которой затронут такой конкуренцией (ст. 1222 ГК РФ).

Нормы ст. 1220 ГК РФ определяют сферу действия права на основании права, подлежащего применению к обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда; определяются, в частности:

- ✓ способность лица нести ответственность за причиненный вред;

- ✓ возложение ответственности за вред на лицо, не являющееся причинителем вреда;
- ✓ основания ответственности;
- ✓ основания ограничения ответственности и освобождения от нее;
- ✓ способы возмещения вреда;
- ✓ объем и размер возмещения вреда.

В современном мире наблюдается тенденция интернационализации внедоговорных отношений, связанная с расширением сферы международного использования объектов, являющихся источником повышенной опасности. Вследствие этого существует настоятельная необходимость разработки новых способов защиты прав потерпевшего и интересов предпринимателей. В данной сфере международных гражданских правоотношений возрастает роль международных многосторонних конвенций.

В последние годы международное сообщество стремится раздвинуть привычные рамки конвенционного регулирования деликтных отношений, заключая многосторонние соглашения в нетрадиционных отраслях (Конвенция ООН об ответственности операторов транспортных терминалов в международной торговле 1991 г., Конвенция, о гражданской ответственности за ущерб, причиненный при перевозке опасных грузов автомобильным, железнодорожным и внутренним водным транспортом (КГПОГ), подписанная 1 февраля 1990 г., Международная конвенция об ответственности и компенсации за ущерб в связи с перевозкой морем опасных и вредных веществ 1996 г., Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением от 20–22 марта 1989 г., к которой присоединилась и РФ).

В законодательстве многих государств предусмотрены исключения из общепринятых коллизионных правил в пользу личного закона сторон и закона суда (если сами стороны договорились о его применении). Сейчас повсеместно распространен принцип выбора судом права того государства, которое в наибольшей степени учитывает интересы потерпевшего. В деликтных отношениях достаточно широко применяется оговорка о публичном порядке в силу принудительного (публично-правового) характера таких обязательств. Практически во всех странах используется понятие «локализация деликта» для определения материального права применимо и к деликтным обязательствам. В западной судебной практике разработана теория индивидуальной локализации конкретного деликтного отношения. Ранее общая концепция деликтных обязательств предписывала применение к ним только закона суда в связи с принудительным характером этих обязательств. В современной практике к требованиям, вытекающим из нарушения личных исключительных нематериальных прав, применяется закон суда в соответствии с общей концепцией деликтных обязательств¹².

Основная задача деликтного права заключается в том, чтобы из бесконечного множества ежедневных фактов причинения ущерба строго отобрать в соответствии с царящими в обществе критериями равенства и справедливости именно те, при констатации которых потерпевшему должно быть разрешено перенести бремя этого ущерба на ответчика. Во всех правопорядках общественной жизни они классифицируются на одинаковые группы и типы правонарушений. И хотя, с точки зрения систематизации права, им отводится разное место в разных правопорядках и не везде смысл их регулирования совпадает, суть возникающих в связи с этим проблем везде воспринимается одинаково.

Традиционные деликтные привязки – закон места совершения деликта и закон суда – в современной практике считаются «жесткими». Поскольку в настоящее время в праве всех государств наблюдается тенденция к «гибкому» коллизионному регулированию, постольку и к деликтным обязательствам возможно применение автономии воли, личного закона, права существа отношения, права наиболее тесной связи. Сейчас деликтные обязательства регулируются в основном при помощи «гибких» коллизионных начал.

¹ *Гельтман-Павлова И.В.* Международное частное право: Учебник. М., 2005. С. 381.

² Подробнее см.: *Dacey A.U., Morris J.H.C.* Conflict of Laws. L., 1973. P. 909–918, 926, 945.

³ *Ануфриева Л.П.* Международное частное право: В 3 т. Т. 1. Общая часть. М., 2000. С. 58.

⁴ *Кох Х., Магнус У., Винклер фон Моренфельс П.* Международное частное право и сравнительное правоведение / Пер. с нем. Ю.М. Юмашева. М., 2001.

⁵ *Международное частное право и международный гражданский процесс: Учебный курс: В 3 ч.* / Т.Н. Нешатаева. М., 2004. С. 624.

⁶ *Германское Гражданское уложение; Вводный закон к ГГУ от 18.08.1896 г.; Германское право. Ч. 1. Гражданское уложение.* М., 1996.

⁷ *Цвайгерт К., Кетц Х.* Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. М., 2000.

⁸ *Комментарий к части третьей Гражданского кодекса РФ* / Под ред. А.Л. Маковского и Е.А. Суханова. М., 2002. С. 461–477.

⁹ *Hetting J.* The Law of Torts. Sydney, 1965. P. 13.

¹⁰ *Суханов Е.А.* Гражданское право: Учебник. М., 2006.

¹¹ *Комментарий к Гражданскому кодексу РФ. Часть третья (постатейный)* / Под ред. Л.П. Ануфриевой. М., 2004.

¹² *Бозулавский М.М.* Международное частное право: Учебник. М., 2004. С. 245–252.

АНАЛИЗ ПРИОРИТЕТОВ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

М.И. Суханова
(Россия, г. Москва)

На сегодняшний день сложилась ситуация практически полного единодушия в оценках приоритетов массового сознания россиян многими политологами, журналистами, социальными аналитиками и соответствия этих оценок риторике представителей властных структур. Примерный список терминов и характеристик включает в себя следующие понятия: «имперский синдром» – «сильная Россия»; «авторитарный синдром» – «порядок, вертикаль власти», «осадное сознание» – «враги, стремящиеся оторвать куски от России», «патерналистский комплекс», «свой путь», «традиционалистское общество», «архаичность сознания народа» и т.д. Чем вызвано такое поразительное единодушие? Есть два варианта объяснения причин:

1) наконец-то в российском обществе наступил долгожданный консенсус и определены стратегия и тактика дальнейшего развития как для акторов во властных эшелонах, так и для всего народа;

2) единодушие является внешним и искусственным – это миф, созданный и поддерживаемый властью, а также отработываемыми политический заказ представителями СМИ, политтехнологами и учеными. Каждая из названных групп имеет собственные мотивы подобного мифотворчества, которые связаны со стремлением сохранить свое положение на вершине социальной пирамиды при нежелании осознать собственное несоответствие задачам курса на модернизацию страны.

Объяснение состояния массового сознания россиян в настоящий момент в приведенных выше терминах не кажется нам убедительным. Такого рода анализ не должен допускать упрощений, тотальных обобщений и экстраполяции выводов. Необходимо разобраться, с какими проявлениями массового сознания мы имеем дело в каждом конкретном случае, анализируем ли мы поверхностные настроения, спонтанные оценки происходящих событий или глубинные ценностные ориентации. В качестве методологического подхода может быть использована концепция структуры общественного сознания.

Концепция структуры общественно сознания. Процессы и реакции, которые протекают в сознании людей и реализуются в их политическом поведении, политиче-